

Сегодня. - 1994. - 2 нояб. - с. 10.

Елизавета лучше всех

Премьера оперы Рихарда Вагнера «Тангейзер, или Состязание певцов в Вартбурге» во Фрайбургской опере

Фрайбург

Ральф Шварц

Того, кто ждал от новой постановки этой популярной в Германии оперы пиришеств красок и буйства образов, постигло жестокое разочарование. Во время увертюры сцену скрывал суперзанавес, размалеванный голубыми и красными пятнами в духе Марка Ротко, — там, за этим занавесом, таился грот Венеры, туда, в этот чувственный рай олимпийцев, убежал певец и поэт Тангейзер от застылых традиций Вартбургских поэтов. Во Фрайбурге, где Герд Хайнц инсценирует прежде всего эмансипацию и крах художника, искусственный рай венериного грота превращается в пестрые картинки внутри густо населенного помещения с красными стенами и красными фонарями. Эта пестрота и теснота больше бы подошли для кичевой версии «Сна в летнюю ночь». Ни один человек никогда не поверит, что госпожа Венера смогла хоть на мгновение довести до бешеной страсти валяющегося на полу в замурзанной майке Тангейзера, сильно напоминающего американского писателя Буковского. Конечно, не в первый раз в этом южнонемецком католическом городе режиссер отказывается прямо показать на сцене, что такое страсть и желание. Вспомним хотя бы недавнюю постановку оперы Хенце «Бассариды», в которой все проявления эротического экстаза оказались стерты до безобразия. Семидесятые и восьмиде-



АНИТА ВАЛЬТЕР

СЦЕНА ИЗ ТРЕТЬЕГО ДЕЙСТВИЯ

сятые годы были куда как смелее и откровеннее.

Залы крепости Вартбург, до сих пор влекущей к себе толпы туристов, обозначены во Фрайбургской постановке почему-то античными колоннами. Здесь устраивает свой скандал Тангейзер из андерграунда, здесь заступает за него Елизавета, воплощение «высокой любви», сюда герой возвращается после безрезультатного паломничества в Рим. За время его отсутствия многое изменилось: одна из колонн упала и раскололась, всю-

ду мерзость запустения. Умирая, Тангейзер получает от ландграфа лавровый венок, а Вольфрам, соперник в любви и поэзии, закутывает его в алый плащ. Однако герой решительно отказывается от сих знаков почета и тем самым передает своему конкуренту право называться поэтом-лауреатом. Христоморфное одеяние делает Вольфрама посмешищем. Может быть, стоит усмотреть в этом запоздалую месть коллеги?

Ответ на этот вопрос мы оставим открытым, потому что в из-

лишне детализированной, антигизре-лишной постановке Хайнца отвечать на вопросы вообще не обязательно. Режиссер пытается протащить в наше время проблему любовного идеала, к которой мы с вами относимся по меньшей мере иронично. Исполнитель заглавной партии тоже не украсил спектакль: Хорст Хоффман со своим почти шестидесятилетним жизненным опытом бурчал что-то трудноразличимое себе под нос, ни о какой мощи или экспрессии и речи быть не могло. Зато, как повелось во Фрайбурге, женские голоса оказались на высоте. Трудно себе представить Елизавету лучше, чем Гуннель Боман: гибкость и мягкость ее голоса, безупречное звуковедение, звездный блеск верхних нот казались непревзойденными. В вокальном отношении Данута Бернолак — Венера была убедительна, хотя голосу ее недоставало теплоты истинного меццо-сопрано. Баритон Михаэль Фолле — Вольфрам продемонстрировал по-настоящему современное качество — ненавязчивый пафос. Надо отдать, должное и оркестру под руководством Йоханнеса Фрича, который представил Вагнера без какой бы то ни было мистериальной сладости, подчеркнуто холодно. Декорации (Кристоф Шубигер) и костюмы (Кирстен Деххофф) в стиле пятидесятых годов, кажется, вполне соответствовали намерению дирижера демистифицировать музыку.

Публика была весьма довольна и бешено аплодировала — в особенности Тангейзеру. По справедливости или нет — этот вопрос мы тоже оставим открытым.